

Когда толпа наконец опомнилась и оттащила отца Цзяна, нежная щека Цзян Жана уже успела вспухнуть и налиться багровой краснотой.

— Ну и лютует старик Цзян! Если бы его вовремя не придержали, он бы этому бедному шуаньэр всё лицо в кровь избил!

— Да уж! Недаром говорят, что у Цзянов в семье ладу нет. Малыш ещё даже порог дома не переступил, а его уже так отделали. Позор-то какой на всю деревню!

— А как по мне, так и к лучшему, что его в дом Фанов для чунси отдают. Что те, что эти — одного поля ягоды. Как говорится, дырявому горшку — треснувшая крышка. Идеальная пара!

Судачество становилось всё злее, и отец Цзян побагровел, в душе уже жалея о своей вспышке — не стоило срамиться перед соседями. Однако спесь не позволяла ему пойти на попятную и сказать сыну хоть одно мягкое слово. Он лишь грубо прикрикнул:

— Чего застыл? Быстро назови нас отцом да новым отцом, и дело с концом!

Щека Цзян Жана горела огнём. Он всегда знал, что немил отцу, но в глубине души надеялся, что родная кровь заставит того сжалиться. Жестокие пощёчины в одно мгновение развеяли эти иллюзии, окончательно остудив его сердце.

Он стоял прямо, упрямо отвернувшись и до крови кусая губы — всем своим видом выказывая нежелание подчиняться. Отец Цзян в бешенстве замахнулся снова, готовый отвесить строптивцу ещё пару ударов, но в этот момент двери главного дома Фанов наконец распахнулись.

Когда Фан Чжуншань внезапно лишился чувств, в доме поднялся переполох. К счастью, деревенский лекарь не растерялся: он быстро нащупал нужные точки на теле больного и сильно надавил на них, вернув парня к жизни.

— Ох, внучок мой ненаглядный! Не пугай так бабу! — старая госпожа Фан, едва переводя дух, испуганно прижимала руки к груди. — Он ведь ещё даже порог не переступил! Не поздно всё отменить! Если тебе этот шуаньэр не мил, я сама, не жалея старых костей, пойду к свахе и расторгну помолвку!

Фан Юань недовольно нахмурился:

— Матушка, вы его совсем разбаловали! Гости уже у дверей, а вы про разрыв толкуете. Представляете, какие слухи поползут? Мы же так этого кроху-шуаньэр своими руками в могилу сведём!

Старая госпожа Фан разрыдалась, не желая ничего слушать:

— А если Чжуншаню он не по нраву, что прикажешь делать?! Разве этот шуаньэр нам дороже родной крови? Ты кому вообще отец — Чжуншаню или Цзян Жану?!

От их криков у Фан Чжуншаня нестерпимо разболелась голова.

Из обрывочных воспоминаний прежнего владельца тела он понимал, что в этом мире участь неженатых шуаньэр горька: стоит им немного перешагнуть положенный возраст, как соседи начинают тыкать в них пальцами и осыпать проклятиями. Случись разрыв сейчас — и жизнь бедняги будет разрушена.

В Стране Великого Спокойствия семьи создавали рано. Жениху-шуаньэр, как он слышал, едва исполнилось восемнадцать.

В прежнем мире Чжуншаня в эти годы дети ещё только грызут гранит науки перед выпускными экзаменами. Совсем ребёнок.

Сердце Чжуншаня дрогнуло от жалости. Собрав последние силы, он осторожно приобнял плачущую старушку и тихо произнёс:

— Я не говорил, что он мне не нравится. Просто заснул больным, а проснулся женатым — вот и растерялся от неожиданности.

Он мельком глянул на Фан Юаня, но так и не смог заставить себя выговорить слово «отец». Голос его прозвучал поспешно:

— Раз уж мой суженый уже у дверей, мне, как велит обычай, приличествует выйти и встретить его.

Фан Юань облегчённо выдохнул, услышав эти слова:

— Я уже послал твою невестку встретить его. Ты только-только оправился от смертного одра, лежи спокойно и не доставляй хлопот!

Но лежать в постели Чжуншань не собирался. Хотя тело ещё ломило от усталости, в остальном он чувствовал себя вполне сносно. К тому же, едва очнувшись в чужом теле, он отчаянно нуждался в возможности осмотреться и понять, куда его занесла судьба.

За короткое время он успел сообразить, что Фан Юань — человек упрямый и спорить с ним бесполезно. Поэтому парень перевёл умоляющий взгляд на бабушку:

— Бабушка, позволь мне самому встретить суженого. Как-никак, это главное событие в моей жизни. Если я даже не покажусь гостям, над нами вся округа смеяться будет.

Удивительное дело: если выдавить из себя слово «отец» Чжуншань физически не мог, то капризничать и ластиться к бабушке у него получалось на редкость легко и естественно.

Обычно старая госпожа Фан готова была расшибиться в лепёшку, лишь бы угодить любимому внуку, а уж в такой день и подавно. Низкорослая, тучная старушка ласково похлопала его по руке и заботливо помогла подняться:

— Хорошо, хорошо, мой золотой! Бабушка сама тебя проводит!

Она резко повернулась к Фан Юаню и прикрикнула:

— Чего застыл, пень замшелый?! Быстро найди парню приличную одежду!

Фан Юань опешил от такого напора. В душе его вскипела глухая обида.

«Твой любимый внучок? Вообще-то он мой сын!»

«Где это видано, чтобы отец сыну наряды выбирал!»

Но перечить матери он не посмел. Ворча под нос, Фан Юань достал и бросил сыну праздничное красное одеяние, которое ещё не успели пустить в дело.

Этот наряд незадолго до торжества заказала невестка Чжуншаня, Мяо Юээр, у старого деревенского портного. В семье Фанов под одной крышей уживались четыре поколения, но в ветви Чжуншаня пока обзавёлся женой и сыном только его старший брат, Фан Чжунси. Мяо Юээр как женщина отличалась куда большей чуткостью, чем суровые мужчины этого дома.

Шёлковое одеяние сидело безупречно. Стоило Чжуншаню облачиться в него, как мертвенная бледность на его лице отступила, уступив место здоровому румянцу. Поддерживаемый старшим братом Фан Чжунсием и двоюродным братом Фан Чжунсином, он медленно направился к выходу.

Когда они показались во дворе, ссора снаружи достигла своего пика.

Сваха изо всех сил пыталась утихомирить разбушевавшихся родственников, но никак не ожидала, что у тихого Цзян Жана окажется столь упрямый нрав. Несмотря на тяжёлые пощёчины отца, тот стоял насмерть, отказываясь признавать господина Юаня новым отцом.

Видя, как соседи показывают на него пальцами, отец Цзян совсем потерял лицо от ярости. Он разразился проклятиями:

— Неблагодарный щенок! Обуза шелудивая! Знал бы, что вырастешь таким выродком, лучше бы позволил тогда большой воде унести тебя и утопить! Хоть бы горя не знал!

Окончательно потеряв над собой контроль, он снова замахнулся, но его руку перехватил гневный окрик.

Фан Чжуншань сразу выделил в толпе фигуру в нескладно сидящем красном свадебном наряде. Тот покорно сносил побои и брань — это и был его будущий супруг-гэер.

Благодаря памяти прежнего Чжуншаня и ворчанию бабушки парень знал, что судьба у его наречённого была незавидной. Его фактически продали в семью Фан ради обряда чунси.

А участь таких супругов незавидна: они либо мгновенно становятся вдовцами, либо всю жизнь прислуживают прикованному к постели калеке, надрывая спину ради чужой семьи.

Старая госпожа Фан славилась своей привычкой горой стоять за своих. Видя, как отец Цзян измывается над беззащитным юношей, вспыхивая старушка пришла в ярость. Она вихрем подлетела к дерущимся, растолкала их и, упёршись руками в бока, ткнула пальцем прямо в нос отцу Цзяну:

— Ах ты, живодёр проклятый! Совсем страх потерял?! На кого руку поднимаешь?!

Взглянув на распухшую, багровую щёку Цзян Жана, она в сердцах всплеснула руками и закричала на весь двор:

— Слушай сюда, старый чёрт! Мы за этого шуаньэр серебро платили, теперь он принадлежит семье Фан! Если ты мне его искалечишь, я на пороге твоего дома таких поминальных выев устрою — до конца дней икать будешь!

В деревне Речного Отдыха все знали вздорный нрав старухи Фан. Она могла мёртвого заговорить и выставить виноватым кого угодно, а уж когда дело касалось здоровья её внука и уплаченных денег — тем более. И то, что перед ней стоял родной отец парня, её нисколько не смущало.

Понимая, как важно склонить общественное мнение на свою сторону, старая госпожа Фан запрыгала во весь голос, взывая к совести зевак:

— Люди добрые, вы только посмотрите на это беззаконие! Мало того, что сиротинушка рос без материнской ласки, так родной отец в день свадьбы, прямо у дверей чужого дома, решает его до полусмерти забить! Даже дикие звери своих детёнышей не калечат! Да этот старик Цзян просто не в себе!

Среди собравшихся — а здесь были жители как Деревни Речного Отдыха, так и Деревни Цзян

— поползли осуждающие шепотки:

— Хоть старуха Фан баба и вздорная, а ведь дело говорит...

— Верно! Бить дитя в день его свадьбы — это ж совсем совести надо не иметь.

— Сразу видно, несладко бедному Жану дома жилось. Жалко парня!

Видя, что дело принимает дурной оборот, господин Юань, до этого хранивший молчание, занервничал. Семенящими шажками он поспешил вмешаться, надеясь утихомирить разъярённую старуху:

— Матушка Фан, ну что вы такое говорите? Жан-эр с самого утра ведёт себя непочтительно, нарушает все приличия и опаздывает. Мы с мужем лишь хотели избавить вашу семью от лишних хлопот и преподать ему урок вежливости.

Говорил он тихо и вкрадчиво, напустив на себя вид глубоко оскорблённой невинности:

— Как ни крути, мы воспитали его и отдали вам по всем правилам. Неужели родители не имеют права указать сыну на его ошибки?

Старая госпожа Фан всю жизнь прожила в строгости и терпеть не могла подобного притворства. Она презрительно фыркнула и заговорила, издевательски подражая его тонкому голосу:

— Ой-ёй-ёй! Нашлись тоже, любящие отец и «новый отец»! Сколько себя помню, ни разу не видела, чтобы родные люди драли три лани серебра за собственного сына!

Словосочетание «любящие отец и "новый отец"» она выплюнула с такой неприкрытой иронией, что у присутствующих не осталось сомнений в её чувствах.

Три лани серебра!

Для простой деревенской семьи это были огромные деньги, на которые можно безбедно жить несколько месяцев. Соседи знали, что парня отдают для чунси, но даже представить не могли, какую непомерную цену за него заломили Цзяны! За самую видную девицу в округе едва ли давали больше одной лани!

Желая окончательно размазать соперников, старуха Фан вытащила из-за пазухи бумагу и потрясла ею перед носом господина Юаня:

— У меня и письменный договор на руках имеется с подписями старосты! Этот шуаньэр отныне — часть семьи Фан, и его жизнь или смерть вашей семьи больше не касается! Что, память отшибло? Или серебро карманы так быстро затуманило?!

Толпа загудела пуще прежнего. Теперь и соседи, и чужаки смотрели на отца Цзяна и господина Юаня с нескрываемым презрением.

<http://bllate.org/book/19394/1943684>